

даєть его и коригтъ, указывая на пути спасенія. Намеки ясны: Теоскиръ (Христосъ), Палесь (Богородица!); передъ Теоскиромъ Боккаччо чувствуетъ свою вину: онъ попиралъ его законы (быль плохимъ христіаниномъ), похитилъ его телицу (душу?)—что такъ и останется для насъ загадкой. Мы уже сказали, что въ началѣ 50-хъ годовъ противорѣчія могли быть иные: соблазны любви и облагороживающія цѣли науки; на нихъ указывалъ Петрарка.

IV.

Въ слѣдующемъ же 1351-мъ году Боккаччо увидѣлся съ нимъ еще разъ по особому поводу. Во Флоренціи существовалъ съ 1348-го года університетъ (studio) съ двумя факультетами: юридическимъ и медицинскимъ; широкое развитіе гуманістическихъ дисциплинъ побудили флорентійцевъ основать и у себя соотвѣтствующую каѳедру. Кандидатомъ былъ назначенъ Петрарка: его побуждали вернуться подъ свой кровъ, возвращали имущество, отнятое у отца, осыпали похвалами. Боккаччо назначили лично передать ему приглашеніе, не дѣловую бумагу, а панегерикъ знаменитому гуманисту. Давно наслышались мы о славѣ твоего имени, любезнейшій согражданинъ, счастливый сынъ нашей родины! пишутъ ему пріоры и гонфalonьеръ; среди твоихъ современниковъ и соотчичей, начальниковъ и гражданъ ты встрѣтишь любовь и привѣтъ. Въ нашихъ отеческихъ къ тебѣ чувствахъ мы положили предоставить тебѣ твои родовые поля, выкупленныя на средства республики у частныхъ лицъ; даръ небольшой, но оцѣни его согласно не съ твоими заслугами, а съ обычаями и законами нашего города, гдѣ никакой другой гражданинъ не былъ бы того удостоенъ. Зачѣмъ искать тебѣ на чужбинѣ рукоплесканій и покоя? Развѣ не влечетъ тебя къ родинѣ? О комъ другомъ скажетъ она съ Виргiliемъ: такимъ-то сыномъ гордится отчизна? ¹⁾). Мы не Цезари и не Меценаты, но также дорожимъ славой человѣка, един-

1) *Tellus haec tali se jactat alumno.*

ственного не въ нашемъ только городѣ, но во всемъ мірѣ, подобнаго которому ни прежніе вѣка не видѣли, не узрять и будущіе. Ибо мы знаемъ, какъ рѣдко, достойно поклоненія и славно имъ поэта; недаромъ Энній называлъ поэтовъ священными; ихъ зовутъ и вѣщими (*vates*), и по общему рѣшенію нашихъ предковъ однаковоувѣнчаны бывали лавромъ, плющемъ и миртомъ какъ тѣ, что достигли безсмертія военными и другими подвигами, такъ и тѣ, которые завѣщали потомству плоды своего божественнаго ума и трудовъ. Прекрасно совершать благое для республики, но не бесполезно и красно говорить, и на войнѣ и въ мирѣ достигая славы, сказалъ Саллюстій¹⁾; и эта слава не ветшаетъ отъ времени, какъ говорить Луканъ²⁾. Въ тебѣ, о великій вѣщатель³⁾, обновился духъ Марона, краснорѣчіе Цицерона; а мы, о ужасъ! хвалимъ тебѣ по молвѣ, не по лацезрѣнію; и не хвалимъ, а дивимся на тебя, воззвавшаго къ жизни давно заснувшую поэзію.

Затѣмъ посланіе снова переходитъ къ дѣлу: флорентійцы рѣшили, чтобы и въ ихъ университѣтѣ обучали «искусствамъ, оплодотворяющимъ умы»⁴⁾; это возвыситъ значеніе Флоренціи во всѣхъ областяхъ Авзоніи⁵⁾, а совершить это въ состояніи одинъ лишь Петрарка: пусть избереть себѣ для чтенія, что согласно съ его славой, досугомъ и удобствомъ; онъ возбудить и другихъ поэтовъ, объявить наконецъ и свое безсмертное твореніе — Африку. Всѣ ждутъ тебя; приди-же, о желанный; родина зоветъ тебя, какъ еще не звала никого. Если это посланіе покажется тебѣ стилистически некрасивымъ⁶⁾, ты поймешь, почему именно тебя зовутъ. Многое, что можно бы еще

1) *Pulcrum est benefacere Reipublicae, etiam bene dicere haud absurdum est; vel bello vel pace clarum fieri.*

2) *A quibus omne aevi senium sua fama repellit.*

3) *Praeco ingens.*

4) *Ingeniorum fecundissimas doceri artes.*

5) *Ut res nostra publica.... inter alias, ut Roma parens, omnis Ausoniae sedes sibi principatum accipiat.*

6) *Minus cultum minusque luculentum.*

сказать, передасть тебѣ точнѣе (*seriosius*) нашъ согражданинъ и любезный посланникъ, Иоаннъ Боккачью, которому просимъ довѣриться вполнѣ.

Грамота флорентійцевъ относится къ марта 1351 г.¹⁾. Въ генварѣ-февралѣ этого года Боккачью состоялъ однимъ изъ камаринговъ флорентійской коммуны²⁾), а 23-го февраля является въ числѣ свидѣтелей, подписавшихъ актъ, по которому Флоренція приобрѣтала, при посредничествѣ Аччьяйоли, городъ Прато у королевы Джьованны³⁾). Старыя отношенія къ Аччьяйоли могли повліять на выборъ именно Боккачью; теперь его назначили посломъ Петrarкѣ. О своемъ пребываніи въ Падуѣ онъ самъ напомнилъ ему два года спустя (1353 г.), въ письмѣ, къ которому намъ еще придется возвратиться. Нѣсколько дней провели мы вмѣстѣ, пишетъ онъ; ты отдавался своимъ божественнымъ (или священнымъ, т. е. богословскимъ) занятіямъ, я, падкій до твоихъ твореній, читалъ ихъ и списывалъ. Подъ вѣчеръ оба мы, отдѣлавшись отъ трудовъ, шли въ твой садикъ, который ранняя весна украсила зеленою и цвѣтами, и здѣсь бесѣдовали до ночи. Приходи же и твой пріятель Сильванъ (тотъ-же Петrarка); помню я однажды, не безъ повода⁴⁾ зашли у насъ рѣчи; началъ Сильванъ, старай говорить о бѣдственномъ положеніи Рима (*Amaryllis*; или *Италія?*), оставленнаго императоромъ (*Daphnis.... uxorius factus Francus*) и папой (Панъ), тогда какъ въ ихъ отсутствіи грубый Эгонъ съ наемной дружиной занялъ лѣса Лигуровъ, равнину По и уже остритъ зубы на холмы Этруріи; пастбища выжжены, стада и пастухи разсѣялись передъ волками и сонмищами дикихъ звѣрей. Не лучше-ли было-бы намъ жить гдѣ-нибудь въ родопскихъ горахъ, у арабовъ или эзоповъ, чѣмъ видѣть всѣ эти бѣды? за-

1) *Statuti della universit e studio fiorentino* ed. A. Gherardi, стр. 283—5.

2) Crescini, *Contributo*, стр. 258—9.

3) Tanfani, I. c. стр. 80—2.

4) *Non sine causa.*

ключалъ Сильванъ, проклиная Эгона; и, помнится, ты ему сочувствовалъ, присоединяя, что изъ ненависти къ Эгону, всѣми си-лами побуждалъ Дафниса подняться противъ преступнаго, воз-становить древнее величіе Италиі¹⁾.

Эгонъ, какъ и въ 1-й эклогѣ Боккаччо²⁾, Джiovanni Висконти, архіепископъ Милана, живописный обращавшій цѣльной, жизнерадостной личности въ первую эпоху гуманизма: тиранъ въ священнической рясѣ, дипломатъ и военный человѣкъ, красивый собою и сильный, веселый и ласковый, онъ любилъ блескъ двора и отраженные лучи литературнаго штата; здѣсь были поэты, какъ Ланчилотто Ангвиссола и Габріэле Заморео, пріятель Петрарки; юристъ Антоніоло Реста, историкъ Азаріо и др. Литература уживалась съ политикой: Джiovanni Висконти былъ собиратель земель, искусно эксплуатировавшій гибеллинскія симпатіи и старую идею имперіи для округленія собственныхъ владѣній. Онъ грозилъ уже Флоренціи, и флорентинецъ Боккаччо не можетъ не сочувствовать негодованію Сильвана-Петрарки. Оно казалось искреннимъ; Петрарка принялъ приглашеніе флорентійской республики: его отвѣтное посланіе помѣщено 6-мъ апрѣлемъ³⁾. Довольно я пожилъ, писать онъ, и у меня отдается въ ушахъ изреченіе мудреца: Умри, пока ты счастливъ, ибо на небо ты не взойдешь. Что за ненасытная жажда жизни! Вѣдь счастье измѣряется доблестью, не количествомъ годовъ, и достигнувъ намѣченной цѣли, слѣдуетъ положить предѣлъ. Я похваляюсь передъ вами тѣмъ откровеніе, что какая-бы ни была моя слава, вымыщенная или нѣть, она ничто въ сравненіи съ вашей. Никогда не стремился я ни къ богатству, ни къ власти, хотя и того и другого и возможно было желать, если не дости-гнуть; съ малыхъ лѣтъ я мало цѣнилъ то, чemu другіе давали большое значеніе. Почему — пе знаю, но тому свидѣтели мои

1) Corazzini, стр. 47 слѣд.

2) Съ, выше, стр. 63, прим. 1.

3) Gherardi, I. c. стр. 285—6; Fam. XI, 5.

писавія, характеръ, вся жизнь. Всѣ мои старанія обращены были на то, чтобы стать добродѣтельнымъ и заслужить расположение достойныхъ людей. Перваго я, къ сожалѣнію, не достигъ, до-стигъ второго, какъ доказываетъ ваше посланіе. Оно меня и ра-дуетъ и поражаетъ; радуюсь я вашей доблести и моей удачѣ, пораженъ тѣмъ, что въ нашъ вѣкъ, который мы считали столь обездоленнымъ всякимъ благомъ, нашлось такъ много людей, одушевленныхъ любовью къ народной, или лучше, общественной свободѣ. Правду сказалъ Цицеронъ, что слава, которую воз-даютъ, обращается въ честь воздающему. — Петраркѣ при-поминаются примѣры древнихъ мужей, возвращенныхъ въ свое отечество: Цицерона, Рутилія и Метелла, Камилла и Алківіада, наконецъ Виргилія; но чтобы сыну возвратили состояніе, утра-ченное по винѣ его отцемъ — это неслыхано; и какъ еще возвратили? Съ какими краснорѣчивыми убѣжденіями, цвѣтами реторики, съ какимъ ароматомъ похвалъ! Но мнѣ важно не родное поле, на которомъ состарѣлись отецъ и дѣдъ и прадѣдъ, человѣкъ неученый, но замѣчательного ума¹⁾, сколько ваше лест-ное обо мнѣ мнѣніе, заключаетъ Петрарка; вѣдь жажда прі-обрѣтенія не знаетъ границъ, хотя небольшой урной принуждены бывають ограничиться тѣ, кому мало бывало цѣльыхъ царствъ. Онъ вернется въ родное гнѣздо, не въ состояніи выразить всего, что подсказываетъ ему благодарность, но позволяетъ себѣ, не-значущему человѣку, еще разъ повторить слова, которыя по-вторилъ въ присутствіи именитыхъ людей Флоренціи, когда въ прошломъ году былъ тамъ на пути изъ Рима,— слова императора Августа сенату, поднесшему ему новый титулъ: Мои желанія исполнились, отцы сенаторы; о чемъ другомъ просить мнѣ все-вышняго Бога, какъ не о томъ, чтобы ваше сочувствие сохра-нилось мнѣ до конца моей жизни?— Какъ я рѣшилъ относительно возвращенія и какъ намѣренъ исполнить ваши желанія, о томъ

1) *Vir ut letterarum inops, sic praedives ingenii.*

доскажеть вамъ вашъ посланникъ, почтенный¹⁾ Иоаннъ Боккаччо, рѣчи котораго вы выслушаете, какъ еслибъ говорилъ я самъ.

Тѣмъ-же 6-мъ апрѣля 1351 года помѣчено письмо Петrarки къ Франческо Нелли²⁾). На сколько можно судить изъ письма послѣдняго³⁾, дѣло шло о молитвеннике, который Нелли прислали въ даръ Петrarкѣ, а тотъ грозится отослать его назадъ, если Нелли не откроетъ ему то, что отъ него утаиваетъ; вопросъ шель, очевидно, о стоимости подарка, платѣ переписчику. Письмо Нелли было полно выражений чистой, преданнейшей любви; любовь плохой судья, говоритъ Петrarка, но желаетъ другу остаться при его заблужденіи, дабы при ближайшемъ знакомствѣ любовь не смѣнилась презрѣніемъ. О многомъ другомъ надо было-бы написать тебѣ, но я усталъ, старость подходитъ, да тебѣ обо всемъ разскажетъ нашъ Джiovanni (Боккаччо).

Какъ разъ въ это время Боккаччо былъ занятъ вопросомъ по опекѣ надъ братомъ Яковомъ⁴⁾: она тяготила его, занятія мѣшиали ходить по дѣламъ⁵⁾, о чёмъ 17-го мая 1351 года онъ и заявилъ одному изъ судей подесты. Чтобы имѣть право самому участвовать въ выборѣ лицъ, которымъ передать свои полномочія, онъ записался въ цехъ судей и нотаріусовъ, и вмѣстѣ съ судьей подесты выбралъ двухъ довѣренныхъ, которые клятвенно обязались вести опеку, блюда какъ его интересы, такъ и интересы опекаемаго⁶⁾.

Изъ всѣхъ широковѣщательныхъ обѣщаній Петrarки ни-

1) *Egregius.*

2) *Var. XXIX.*

3) № XII и II у *Cochin* и тамъ-же стр. 89 слѣд., 109—110.

4) Сл. выше т. I, стр. 382.

5) *Dicens se variis negotiis impeditum.*

6) Irineo Sanesi, *Un documento inedito su Giov. Boccaccio* въ *Rassegna bibliografica d. letteratura italiana*, Anno I, № 4, стр. 121 слѣд. Сл. тамъ-же №№ 8—9: Crescini, *Di un nuovo documento su Giov. Boccaccio*, стр. 243 слѣд. За невозможностью добыть указанные №№ Rassegna, я воспользовался точной копіей съ интересовавшихъ меня статей, доставленной мнѣ проф. Тоблеромъ, которому приношу искреннѣйшую благодарность.

чего не вышло; 4-го мая онъ выѣхалъ изъ Падуи, направляясь во Францію, въ Воклюзъ, «влекомый сладостнымъ желаніемъ»; такъ онъ писалъ съ дороги Боккаччо¹⁾. Ты знаешь, другъ мой, что еслибъ то дозволила судьба, я тамъ-бы провелъ и остатокъ моихъ дней; тамъ не то, что въ городахъ: свобода, уединеніе, тишина, покой; жаль только, что далеко отъ Италіи и слишкомъ близко къ западному Вавилону. — Туда онъ покажется, такъ какъ ему не суждено видѣть напу тамъ, гдѣ его искали отцы: на берегахъ Тибра; повидаетъ, какіе остались изъ пріятелей, забереть въ Воклюзъ свои книги—и осенью назадъ, распростишись «съ суровой страной, съ негостепріимнымъ берегомъ». Передай мой почтительный привѣтъ флорентійской сеньоріи (сенату) и поклонись тремъ нашимъ согражданамъ и друзьямъ,—вѣроятно, Франческо Нелли, Заноби да Страда и Лапо ди Кастильонкіо.

Петрарка уѣхалъ, а негодующе флорентинцы вновь конфисковали имѣніе его отца, которое только что вернули сыну. Объ одномъ прошу я тебя, писалъ ему Нелли отъ 21-го августа 1351 года, чтобы твоя родина, твои вѣрные поклонники²⁾ не на всегда остались въ сиротствѣ, и ты исполнилъ бы свое обѣщаніе—вернуться. Онъ шлетъ Петраркѣ привѣтствія Форезе, Лапо, Заноби; Боккаччо, всегда готоваго къ твоимъ услугамъ³⁾, неѣть въ городѣ⁴⁾.

Дѣйствительно: конецъ года прошелъ для Боккаччо въ посольствахъ; между 25 августа и 27-го сентября онъ ѻздилъ «ad partes Romandiolae et Lombardiae»⁵⁾; въ декабрѣ къ графу Людвигу Бранденбургскому и его намѣстнику въ Тиролѣ, герцогу Конраду фонъ Текъ: флорентійцы искали всюду союзниковъ противъ грозившаго ихъ самостоятельности Эгона-Висконти. Графъ

1) Изъ Вероны, 1 июня, Fam. XI, 6.

2) Fideles.

3) Tuis requisitionibus, ut scis, promptissimus.

4) Cochin, № VI.

5) Baldelli, Vita di G. Boccaccio, стр. 192; Imbriani, Giorn. Napoletano N. S., v. VII, стр. 84.

Людвигъ послалъ своего повѣреннаго, Диппольда фонъ Катценштейнъ, съ которымъ, вѣроятно, вернулся и Боккаччо; союзъ не удался, какъ видно изъ отвѣтнаго посланія флорентійской коммуны отъ 27-го марта 1352 года¹⁾.

Междѣ тѣмъ Петрарка все еще живетъ во Франціи; 30-го августа 1351 года пишетъ изъ Авиньона къ незнакомому ему лично Аччьяйоли, превознося его напыщенными похвалами²⁾; когда воспитанникъ Аччьяйоли, Людовикъ Тарентскій, признанъ былъ королемъ, письмо Петрарки отъ 20-го февраля 1352 года обращается въ цѣлый трактатъ о нравственномъ руководствѣ юнаго монарха, торжественный и сентенціозный, съ показной откровенностью лести по адресу руководителя³⁾. Съ культурнымъ типомъ Аччьяйоли мы уже знакомы⁴⁾: въ немъ былъ матеріаль итальянскаго тирана, и гуманистическая жилка была въ немъ не показная. Однажды ему случилось написать къ Петраркѣ собственноручное письмо и извиниться, что онъ такъ долго не отвѣчалъ ему, потому что его пріятели, неаполитанскіе гуманисты, Никкола д'Алифе и Барбато отказали ему въ помощи своего пера, хотя онъ не разъ просилъ ихъ о томъ. Ему нуженъ литературный секретарь, и онъ проситъ Петрарку направить къ нему флорентійца Заноби да Страда, уговоривъ его покинуть Доната и преподаваніе грамматики ребятишкамъ. Очевидно, Аччьяйоли уже зналъ Заноби; къ нему адресовано письмо Петрарки изъ Авиньона, 1-го апрѣля 1352 года⁵⁾: онъ убѣждаетъ его принять предложеніе Аччьяйоли; ты рожденъ для иной доли, говорить онъ; фортуна могла осудить тебя на должность учителя, природа создала для высшаго, ей и повинуйся. Воспаменись же поэтическимъ духомъ, оставь свое имя потомству; кто по природѣ тру-

1) Сл. текстъ вѣрительныхъ грамотъ у Corazzini, стр. 395—6; Hortis, Giov. Boccaccii, ambasciatore in Avignone, стр. 45—48.

2) Fam. XI, 13 и выше т. I, стр. 58.

3) Fam. XII, 2; сл. выше т. I, стр. 102.

4) Сл. выше т. I, стр. 54 слѣд.

5) Fam. XII, 3.

долюбивъ, но косенъ умомъ, у кого кровь холодна, тѣло выносливо, кто не боится скуки и мелкие заработки предпочитаетъ славѣ—тотъ пусть обучаетъ мальчишекъ; кто рожденъ доблестный, долженъ посвятить себя болѣе благороднымъ занятіямъ, дабы въ глазахъ потомковъ намъ уподобиться тѣмъ изъ древнихъ, которые просвѣтили наши умы. Ты можешь избрать себѣ примѣромъ Цицерона и Виргилия; неужели предпочтешь ты подражаніе сѣкущему Орбилию? Тебѣ милостиво улыбнулось блестящее свѣтило, которымъ гордится наша родина; поздравляю тебя. Познай, наконецъ, самаго себя, заслужи не удивленіе ребята, а похвалу мужей.

И такъ Аччьяйоли звалъ къ себѣ Заноби, забывъ о Боккачью, съ которымъ знакомъ въ теченіи 20-ти лѣтъ, который и прежде разсчитывалъ на его покровительство¹⁾, не переставалъ стремиться въ Неаполь и теперь могъ надѣяться, что его тамъ устроятъ. Но Аччьяйоли молчалъ, а Петрарка не вмѣшался. Интересны его письма къ флорентійскимъ друзьямъ, между прочимъ къ Боккачью, посланныя какъ разъ въ тотъ же день, когда отправлено было иувѣщаніе къ Заноби (1352 г., 1-го апрѣля). Онъ пишетъ Лапо ди Кастильонкіо изъ Авиньона, этого коварнаго города, этого ада, куда-только что выѣхалъ изъ восхитительнаго уединенія, гдѣ бесѣдовалъ — съ Цицерономъ²⁾. Достаточно твоего слова, чтобы я нарушилъ обѣтъ молчанія, увѣряетъ онъ Франческо Нелли³⁾; усталъ я отъ дѣлъ куріи, отъ писемъ: пришлось отказываться отъ болѣе полезныхъ занятій, отвѣтывать на массу посланий, дабы обо мнѣ не сказали, что, противорѣча Катону, я не нахожу удовольствія въ бесѣдѣ съ друзьями. Я думалъ было успокоиться, когда пришло твоё письмо; оно подтолкнуло меня къ письменному столу, какъ подобное разсказывается о себѣ Цицеронъ. И какъ было не

1) Сл. его письмо отъ 1841 года, выше т. I, стр. 176—7.

2) Fam. XII, 8.

3) Fam. XII, 9.

отвѣтить: въ твоемъ письмѣ такъ много любви, преданности, внимательности; ты пишешь, что почитаешь счастливымъ для себя, что родился въ мое время. Такъ говорилъ Платонъ о своемъ Сократѣ, и какъ Платонъ былъ счастливѣй дружбой къ нему Сократа, чѣмъ наоборотъ, такъ и я—твоей. О еслибы я могъ!... Но я не въ силахъ обязать тебя къ тому, что совершили, влекомые любовью и дружбой, Еней, Орфей и Тезей: чтобы ты послѣдовалъ за мною въ тартаръ, въ адъ (т. е. Авиньонъ)— и я прошу помолиться за меня, дабы Господь помогъ мнѣ выбраться на божій свѣтъ изъ этой пропасти¹⁾.

Всѣхъ короче письмо къ Боккаччо²⁾: оно полно риторики и общихъ мѣстъ, жалобъ на дѣла и Авиньонъ, необъяснимыхъ, потому что Петрарку могли держать тамъ развѣ личныя дѣла; во всемъ тонѣ чувствуется какая-то неоткровенность и вмѣстѣ казовая развязность человѣка, который хочетъ отвести глаза. Пишу тебѣ съ этимъ посланнымъ, дабы ты не вообразилъ, что я забылъ тебя; но краткость времени, недостатокъ новостей, множество дѣлъ и сладостная надежда, что вскорѣ я увижу тебя и поговорю съ тобою по сердцу— все это вмѣстѣ сдѣлало то, что какъ я ни думалъ, не нашелъ ничего, о чемъ лично было бы написать тебѣ, кромѣ того развѣ, что писать— не о чёмъ. О томъ, что дѣлается въ этомъ Вавилонѣ, я уже сообщилъ друзьямъ и никогда бы не кончилъ, еслибы сталъ говорить, какъ я сужу обо всемъ. О себѣ не знаю, что сказать: все для меня неясно, кромѣ смерти; пусть пожуритъ меня Сенека, какъ пожурилъ Цицерона, но я изъ тѣхъ, которые ни больны, ни здоровы, ни живы, ни мертвы; я почту себя живымъ и здоровымъ, когда мнѣ удастся выбраться изъ этого лабиринта. Объ этомъ одномъ я помышляю, для этого работаю. Будь здоровъ и пиши мнѣ въ это мѣсто изгнанія о всякой твоей напасти.

1) Сл. Epist. poet. III, 22, 28: къ Нелли.

2) Fam. XII, 10.

Въ маѣ 1352 года Заноби былъ уже въ Неаполѣ и въ столь близкихъ отношеніяхъ къ Аччьяйоли, что Петрарки включилъ въ письмо къ Заноби, отъ 24-го мая, посланіе къ Аччьяйоли и Баррили, назначенное сблизить разошедшихся друзей, при чемъ Заноби дозволялось вскрыть его и сдѣлать въ немъ какія хочетъ измѣненія, ибо онъ знаетъ характеръ Аччьяйоли, чтѣ ему пріятно, и на все выберетъ и время и способъ¹⁾.

Мы уже знаемъ, какъ привѣтствовалъ Боккаччо²⁾ водвореніе Альпеста-Людовика, а вмѣстѣ съ нимъ и торжество Питія-Аччьяйоли; онъ и самъ не прочь былъ присоединиться къ ликующимъ, но въ Неаполѣ ждали не его, а — Петрарку. Въ письмѣ, къ Аччьяйоли отъ того-же 24-го мая 1352 г.³⁾ Петрарка отвѣтываетъ на приглашеніе: пріѣхать въ Неаполь, гдѣ между Фалерномъ и Везувиемъ для него уготованъ новый Парнасъ; онъ въ восторгѣ отъ этой идеи: у меня уже есть два Парнаса⁴⁾, пишетъ онъ Аччьяйоли, но я не въ силахъ отдѣлаться отъ этого третьяго, украшенного пѣснями твоего Аполлона и твоихъ музъ, зеленѣющаго твоими лаврами.

Въ Неаполь онъ не попалъ; еще годъ прожилъ онъ во Франціи, и когда въ маѣ 1353 года вернулся въ Италію, поѣхалъ не во Флоренцію и не въ Неаполь, а къ Эгону-Висконти.

Что увлекло Петрарку въ Авиньонъ? «Сладостное желаніе», писалъ онъ Боккаччо; друзья⁵⁾, говорить онъ Нелли: еслибъ онъ зналъ, для чего они его вызывали, онъ никогда-бы не поѣхалъ. Въ одномъ (VII-мъ) изъ писемъ «безъ адреса» онъ также ссылается на друзей, отвѣчая на чьи-то упреки: куда увлекло тебя честолюбіе? писали ему; развѣ ты не помнишь себя, не знаешь, куда идешь, что покидаешь? Или ты сознательно го-

1) Fam. XII, 14, 18; XIII, 9, 10. Сл. выше т. I, стр. 105.

2) Сл. выше т. I, стр. 176—7.

3) Fam. XIII, 9.

4) *Sine titulo IV: Geminus mihi Parnassus, alter in Italia est, alter in Gallias.*

5) Fam. XIII, 5: *charitas amicorum.*

товъ взяться за недостойное тебя дѣло? — Изъ письма къ Нелли оказывается, что друзья готовили Петраркѣ мѣсто папскаго секретаря или протонотарія, но онъ отказался отъ него, блюда свою свободу; онъ согласился бы на поэтический досугъ, обезпеченный отъ офиціальныхъ занятій, отъ дѣловой суэты и придворныхъ интригъ. Авиньонъ и курія вдругъ ему опостыли; Авиньонъ — это вмѣстилище всякаго нечестія и скверны, отнынѣ ему кличка — Вавилонъ; папа — церковный Діонисій. Таково настроеніе его писемъ безъ адреса, начиная съ четвертаго, его VI-й и VII-й эклогъ, стихотворныхъ посланій III, 21—23 и знаменитыхъ сонетовъ: *Fiamma del Ciel*, *L'avara Babilonia*, *Fontana di dolore*. Тѣмъ не менѣе его что-то привязываетъ къ Авиньону; апедія или какія-то надежды? Порой онъ спасался изъ удушливой атмосферы города въ Воклюзъ, въ долину, еще полную его сѣтованій¹⁾, въ гнѣздо Феникса-Лауры, когда-то лежавшій подъ своими крылами сердце поэта²⁾ — и сонеты, выраженіе сладостнаго желанія, перемежались бесѣдами съ Цицерономъ и классиками. А за тѣмъ тотъ-же удушливый Авиньонъ. Надо бѣжать изъ этого лабиринта: онъ вырвется изъ него, гнѣвъ откроетъ ему путь, скорбь дастъ крылья³⁾ и съ высоты Севеннъ раздастся его восторженный привѣтъ Италии: Здравствуй страна, святая, милая Богу; тучи за мною, мягкой вѣтерокъ ласкаетъ меня, здравствуй, о родина мать, слава земли!⁴⁾. — Петрарка бѣжалъ изъ Авиньона, спасая свою свободу, чтобы сразу попасть — въ лабиринтъ Висконти.

Боккаччо былъ пораженъ; онъ вспомнилъ свою бесѣду съ другомъ въ Падуѣ; его письмо къ Петраркѣ изъ Равенны, 18-го июня 1353 г., служить выраженіемъ его недоумѣній; онъ не вѣритъ слухамъ, просить вразумить его; пишетъ о Сильванѣ (=Петраркѣ) въ третьемъ лицѣ, подвергая его дѣйствія суду —

1) Сон. XXXIII.

2) Сон. LIV.

3) Epist. poet. III, 22; къ Нелли.

4) I. c. 24: *Salve chara Deo tellus sanctissima, Salve.*

Петрарки, «славнаго учителя»¹⁾; не сместь говорить и не въ со-
стоянніи молчать²⁾), къ первому его обязываеть уваженіе къ Силь-
вану, ко второму побуждаетъ негодованіе. Я бы не сказалъ ни-
чего, еслибы слова самого Сильвана не вызывали меня взяться
за перо. Помнишь его слова въ комментаріяхъ: «покажи мнѣ,
другъ, меня самого, схвати за руку, хотя бы ты былъ и далекъ,
вяжи, жги, урѣзывай, подавляй надменное³⁾), отбрось лишеніе;
не бойся того, что я покраснѣю или поблѣднѣю». Вотъ что за-
ставило меня писать, продолжаетъ Боккачъ, напоминая Пе-
траркѣ подробности знакомаго намъ разговора; между тѣмъ,
когда я недавно ѿхалъ въ Равенну, чтобы посѣтить тамошняго
властителя, и 12-го іюля⁴⁾ остановился въ Форли, нѣкій прія-
тель повелъ рѣчь о тебѣ: Слышалъ я, и чудно мнѣ это, что
нашъ Сильванъ, любитель уединенія⁵⁾, покинулъ свой Геликонъ
за Альпами (Воклюзъ), вступилъ въ вороты Эгона (Висконти),
и, принявъ дары, стала изъ касталійскаго пастыря лигурійскимъ
пастухомъ⁶⁾, вмѣстѣ съ собой отдалъ въ рабство и пенейскій
лавръ⁷⁾ и піеридъ. — Услышавъ это, я осталбенѣль, считая это
невозможнымъ; но когда нѣсколько дней спустя пріѣхалъ въ Ра-
венну Симонидъ и показалъ письма о томъ Сильвана, я повѣ-
рилъ, кляня небо и проступокъ Сильвана. Послѣ этого вѣдь все
возможно; а я полагалъ, что скорѣе лани⁸⁾ побѣдятъ тигровъ,
овцы прогонятъ волковъ, чѣмъ Сильванъ поступить противъ
своего убѣжденія⁹⁾. Кто подниметъ голосъ противъ преступ-
ныхъ, нецѣломудренныхъ, любостяжательныхъ, когда такъ по-
ступили Сильванъ? Увы! куда дѣлись его честность, его свя-

1) Praeceptor inclite.

2) Loqui prohibeor et tacere non possum:

3) Tumida comprime.

4) IIII ydus Iulii.

5) Solivagum.

6) Ligustinum devenisse bubulcum.

7) Daphnem peneiam.

8) Damas.

9) Sententiam.

тость, его рѣшенія? Онъ сталъ другомъ того самаго человѣка, котораго звалъ свирѣпымъ Полифемомъ, циклопомъ, гнѣвно осуждая его надменность, его тираннію, а теперь несетъ его иго, и не по принужденію, а добровольно.

Помнится, онъ утверждалъ, что давно уже отказался отъ Хризиды¹⁾, отвергъ ея объятія, называя ее грязной и вредной, подонками земли²⁾, а теперь, если вѣрить Симониду, не стыдится лобзать красавицу, встрѣченную имъ на берегахъ Эридана, украшенную ожерельями и драгоценностями? И кто-же похитилъ старого Сильвана? Кѣмъ не могъ овладѣть великий Аргусъ (король Робертъ), ни галльскій пастырь Дафнисъ (императоръ), ни господствующій надо всѣми аркадскій Панъ (папа), тѣмъ овладѣлъ презрѣнныи³⁾ Эгонъ и блудница Хризіда. Я не быль-бы такъ пораженъ, еслибы не слышалъ, какъ самъ онъ порицалъ Цицерона и Аннея (Сенеку). Что за неслыханное непостоянство духа! И если ужь опостылѣли Сорга (Воклюзъ), Парма, Брента (Падуя), такъ неужели никакой другой рѣки, кроме Тичино, не оставалось, чтобы утолить жажду? Не себя только одного запятналь Сильванъ, но тебя и меня и всѣхъ, кто повсюду величалъ его образъ жизни и нравы, его пѣсни и творенія. Неужели полагаешь ты, что тѣ, до кого дойдетъ этотъ проступокъ, станутъ молчать? Напротивъ, они уже подняли крикъ, поносить его прежнюю славу, какъ обманную и поддѣльную, а насъ называютъ листецами и лгунами. Можетъ быть, онъ скажетъ въ свою защиту, что зналъ, что дѣлалъ: его соотчичи⁴⁾ наглумились надъ нами, вернули отцовскій лѣсь и пастбища, а затѣмъ отняли, не по его винѣ, а по своему легкомыслию⁵⁾. Это вѣрно, никто не знаетъ того лучше меня: я быль въ этомъ дѣлѣ поучителемъ и посредникомъ и не осуждаю такого негодованія: мы

1) Богатство. Сл. выше XIII и XV эплоги Боккаччо, стр. 58—9, 129 слѣд.

2) Tergae.... fecem.

3) Infamis.

4) A suis silvicolis = флорентійцы.

5) Сл. выше стр. 139.

вѣдь не изъ камня, видимъ и чувствуемъ; поступлено было скверно и неприлично, но я не думаю, чтобы честно и праведно было мстить родинѣ за оскорблениe. Пусть Сильванъ не защищается, говоря: если, движимый негодованіемъ, я сдружился съ врагомъ отечества, то тѣмъ не менѣе я не выступаю враждебно, не устремляю на это силы, не подаю совѣтовъ. Положимъ, такъ, но онъ радуется вмѣстѣ съ Эгономъ бѣдствіямъ родины, грабежамъ, пожарамъ, пѣнамъ; это великое преступленіе. Но оставимъ военные дѣла; что станетъ дѣлать въ толпѣ этотъ краснорѣчивый защитникъ уединенія, что — человѣкъ, привыкшій величать свободу и честную бѣдность, поддавшись чужому игу и нечестно обогащенный? Я только краснѣю, напѣвая, про себя или въ народѣ, виргилиевское:

Quid non mortalium pectora cogis,
Auri sacra fames?

Многое могъ бы я еще сказать про него, славный наставникъ; но что скажешь ты, у которого и негодованіе сильнѣе и краснорѣчія больше? Что скажетъ его Моникъ (брать Петрарки Герардъ), его Сократъ (пріятель Петрарки, Людовикъ ди Кампинія или di Nam), Идей (Джованни Баррили), Питій (Барбатъ) и другіе, привыкшіе смотрѣть на него, какъ на человѣка святого (*caelestem*), какъ на единственный въ людяхъ образецъ честности, и прославлявшіе его за эти качества? Я полагаю, всѣ вы его осудите и опечалитесь. Тебѣ онъ болѣе другихъ повѣрить, обра-
зумь его, отвлеки отъ позора, вырви изъ рукъ ненавистнаго (Эгона) такого, какъ онъ, мужа, столь блестящее украшеніе, сладостную утѣху, зрылый совѣтъ; верни ему прежнюю славу, намъ его самого, въ отраду и любовь.

V.

Письмо Боккачью — цѣлое обличеніе, прокурорская рѣчъ, направленная на человѣка, которому до тѣхъ поръ вѣрили безусловно и который видимо обманулъ ожиданія. Въ это не вѣрится,

10*